Э.В. Захаров

В.Г. Белинский и общественная мысль в России XIX века

Виссарион Григорьевич Белинский (1811– 1848) обладал даром убеждения словом, поэтому литературно-критическая деятельность стала для его натуры сферой наиболее естественной и продуктивной. Он завоевывал сердца читателей искренностью переживаний и крайней обостренностью нравственной совести, которая соединялась с фанатичной нетерпимостью к инакомыслящим. Он последовательно прошел через увлечения немецкими идеалистами и самозабвенно проповедовал идеи утопического социализма.

Так в «Литературных мечтаниях» (1834) Белинский провозглашал гуманное направление русской литературы, подчеркивая её народность. В то время в России популярным стало учение Шеллинга о «национальном духе», в котором проявляется Мировой Дух. Однако вскоре Белинский увлёкся Гегелем, заимствуя тезис, что «все действительное – разумно». Именно так называемый философский реализм Гегеля покорил критика, хотя диалектические процессы в развитии человеческого духа не нашли его полной поддержки, и в конце концов вызвали отторжение от идеализма в сторону материалистических взглядов. «Пустые страницы истории» не удовлетворяли Белинского из-за отсутствия внимания к человеческой личности. Подобно Ивану Карамазову, он взывал к ответу за окружающую несправедливость, вписывая окружающий мир в рамки человеческой физиологии. В известном письме (1841) к Боткину критик обосновывал свою позицию: «Субъект у Гегеля не сам по себе цель, но средство для мгновенного выражения общего <…> Смейся как хочешь, а я свое: судьба субъекта, индивидуума, личности важнее судеб всего мира <…> и гегелевской Allgemeinheit. Мне говорят: развивай все сокровища своего духа для свободного самонаслаждения духом <…> Кланяюсь покорно, Егор Федорович… но если бы мне удалось влезть на высшую ступень лестницы развития, я и там попросил бы вас дать мне отчет во всех жертвах живой жизни и истории <…> иначе я с верхней ступени лестницы бросаюсь вниз головой. Я не хочу счастья и даром, если не буду спокоен насчет каждого из моих братий <…> Говорят, что дисгармония есть условие гармонии. Может быть, это очень выгодно и усладительно для меломанов, но уж, конечно, не для тех, кому суждено выразить своей участью идею дисгармонии».

Вслед за Белинским большинство русской интеллигенции отвернулось от идеалистической философии, как и от христианства, принимая материализм в его крайней форме социализма, способном якобы разрешить вопросы социальной справедливости. При этом не учитывалось, что христианство призывает к служению ближнему своему, без чего невозможно спасение. Белинский же выступал как воинствующий атеист и в «Письме к Гоголю», и в спорах с Достоевским.

«Письмо к Гоголю» вполне отражает манифесты крайнего русского западничества. Философ С.А. Левицкий подбирает к данному явлению название русского «просвещенства» – термин, который «означает наивную веру в разум, науку, прогресс, веру во всесильность экономики, техники, совмещаемую с презрением к религии, философии, чистому искусству за их якобы бесполезность или даже вредность» (Левицкий С.А. Очерки по истории русской философской и общественной мысли). Именно благодаря Белинскому «просвещенство» укоренилось в русской интеллигенции, что проявилось в традициях поздних шестидесятников вплоть до большевистских идей начала

XX века. Интересно, что несмотря на материализацию своих взглядов, Белинский в значительной мере продолжал оставаться философским идеалистом, однако результаты его размышлений над идеализмом подвели к противоположным выводам славянофилов: он отстаивал секуляризацию и внецерковное, адогматическое христианство.